

КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФИЮ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ? ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ И ОПИСАНИЯ.

Ф.С. Корандей, С.В. Рассказов

В данной работе сформулированы тезисы теоретической части проекта историко-географического описания Старой (Юго-Западной) Сибири, осуществляемого в рамках серии монографий «Историческая география России» под эгидой РГО. Отправной точкой данного регионального синтеза является критическое осмысление гипотезы динамической эволюции пространственных структур общества в юго-западной части Западносибирской равнины в XV-XX вв. В первой части работы обсуждаются основные положения гипотезы о Юго-Западной Сибири и возможные направления ее критики; во второй части на примере классических региональных проектов постулируется насущность коллективной работы историков и географов по синтетическому описанию региона; в третьей демонстрируются некоторые методические инструменты проверки выдвинутой гипотезы.

HOW TO WRITE THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE SOUTH-WESTERN SIBERIA?

Fyodor Korandey, Sergei Rasskasov

In this paper are proposed the initial theoretical considerations of the study of geographies of the past of South-Western Siberia, which expected to be the one of the series of monographs on Historical Geography of Russia, edited by Russian Geographical Society. The starting point of this regional synthesis is the critical reconsideration of the hypothesis of dynamic evolution of the spatial social structures in the south-western part of Siberia in XV-XX cent. In the first part of this paper the main statements of the South-Western Siberia's Hypothesis and possible directions of its criticism are discussing; in the second, using the experience of the standard regional projects, we are evaluating the necessity of interdisciplinary cooperation in this regional synthesis; in the third are demonstrating the some principal critical tools of this synthesis.

Работа представляет собой проспект теоретической части коллективного проекта историко-географического описания Юго-Западной Сибири, осуществляемого в рамках серии монографий «Историческая география России» под эгидой РГО. Отправной точкой данного регионального синтеза представляется критическое осмысление гипотезы о динамической эволюции пространственных структур общества в юго-западной части Сибири (*Рассказов 2009*). В первой части работы рассматриваются основные положения тезиса о Юго-Западной Сибири, намечаются возможные направления его критики. Во второй части, обращаясь к опыту классических региональных проектов, мы постулируем насущность коллективной работы при синтетическом описании региона. В третьей части работы демонстрируются некоторые критические инструменты этого синтеза.

1. СТАРАЯ (ЮГО-ЗАПАДНАЯ) СИБИРЬ КАК ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ РЕГИОН И МЕТОД

1.1 Проблема административных границ и регионов в общественной и исторической географии, гипотеза о Юго-Западной Сибири

Любому наблюдательному жителю Тюменской, Свердловской или Курганской области известен один парадокс. При всей насущности вопроса о том, где начинаются и заканчиваются Сибирь и Урал, в ландшафте указанной территории нет ярко выраженных черт, которые подтверждали бы специфический районоразделяющий характер административных границ данных субъектов. Не наблюдается даже пространственного лага. Можно было бы предположить, что ландшафт все же меняется в своих существенных чертах на некотором расстоянии от административной границы. Дело, однако, обстоит по-другому: пересекая границу Тюменской и Курганской областей, вы едете по одной и той же равнине, вдоль рек среднего размера, к которым тяготеют крупные сёла, топонимика которых не меняется, несмотря на то, что только что эти сёла были «сибирскими», а теперь стали «уральскими». В конце концов, вы приезжаете в город Курган, который в силу стечения обстоятельств в первой половине XX века оказался связан с Челябинском больше, чем с прочими соседями по региону, отчего подчинённая ему область и стала частью Уральского района. Дальше на юг продолжается всё та же местность – вплоть до границы с Республикой Казахстан.

Похожая картина наблюдается и при движении на запад, от Тюмени к Екатеринбургу: не меняются ландшафт (путешественник всё время двигается по хорошо освоенной в аграрном отношении равнине, собственно горы начинаются уже за Екатеринбургом), топонимика, система расселения и даже специализация небольших городов и посёлков. По мере приближения к «столице Урала» происходит постепенное уплотнение хозяйственного и демографического поля. Зато ощутимо меняется территориальное самосознание. Если жители сёл Тюменского района считают себя сибиряками, то жители Талицы и Тугулыма – районных центров Свердловской области, отделённых от Тюмени менее чем часом езды, уже уральцы. Можно сделать вывод, что местные административные границы, являющиеся, в том числе, результатом советских экспериментов в области хозяйственного районирования, на деле оказывают довольно слабое влияние на материальную реальность или, с другой стороны, не отражают существенных, районоразделяющих черт территории¹. Они просто наложены

¹ Относительно связи административных и районных границ и материальных черт ландшафта возможны два подхода: 1) границы повторяют или должны повторять сложившиеся естественные межрегиональные различия в природных условиях, ресурсах и специализации и именно по этому принципу проложено большинство существующих социально-экономических рубежей; 2) границы в «советском тотальном ландшафте» сами создавали и задавали экономическую и политическую жизнь, постепенно превращаясь из социальных проектов в социальную реальность (Каганский 1995; т.н. эффект Цыпиной – размыкание сети автодорог перед административными границами: *Смирнягин 2002, 52-53*). Смысл отсылки к описываемому

поверх единого ландшафта – сложно переплетённой ткани природной среды и социально-экономической жизни, порождая при этом ярко выраженные феномены нематериального характера – территориальные идентичности, самосознание и мифы.

Подобное же единство основных черт местности наблюдается при пересечении российско-казахстанской границы в рассматриваемом районе. Природный градиент тут выражен сильнее, но это слабо сказывается на антропогенных чертах ландшафта. Учитывая новейший характер изменений, инерционность многих пространственных структур и условный характер административной границы двух советских республик в недавнем прошлом², можно обоснованно настаивать на том, что выбор территориальных рамок любого исследования в пределах рассматриваемого трансграничного региона не должен быть ограничен спецификой его новейшей двадцатилетней истории. Таким образом, буквальная ориентация на существующие политические границы (например: «территория Казахстана как независимого государства не может приниматься в расчёт в исследованиях, затрагивающих территорию РФ, или может изучаться только в рамках особых проектов по изучению трансграничных связей / приграничного сотрудничества») представляется контрпродуктивной стратегией в случае, если нас интересует реальная география юго-западной части Сибири на микро- и мезоуровне.

Итак, вопрос об ограниченной пригодности инструментария АТД при изучении современной географии общества в крупном и среднем масштабах на стыке «госплановских» границ Урала, Сибири и Северного Казахстана весьма актуален. В историко-географической перспективе все еще сложнее. Рисунок губернских и областных границ XIX в. не идентичен современному АТД. В XVIII в. Восточный Урал и Западная Сибирь в административном отношении были одной территорией (до 1782-го г.). Говоря о XVII в., мы не можем уже анализировать какие бы то ни было площадные административные единицы – они просто отсутствуют в этот период, существующие уезды носят функциональный, узловый характер, а такое понятие как государственная граница неизвестно. В XV-XVI вв. вся территория от Уральских гор до Барабинской степи и от среднего течения Иртыша до верховьев Ишима и Тобола входит в состав одной политической единицы – Сибирского ханства.

Вопрос о том, как сложился современный нам культурный ландшафт, ставит проблему адекватного историко-географического районирования для данной местности. Исходя из этой логики, один из авторов данной статьи – С.В. Рассказов в работе 2004 г. предложил в качестве объекта изучения

парадоксу состоит не в попытке начать методологический спор – важен именно данный региональный пример: советские границы очень часто связаны с ландшафтными реалиями в силу первого либо второго комплекса причин, но в описываемой местности, несмотря на важность границы, подобные связи очень слабы, либо не регистрируются вообще.

² До 1991 г. почтовое и транспортное авиасообщение сельских районов вдоль границы координировалось из ближайшего крупного города, а не из областного центра. Поэтому реальным центральным местом для авиасообщений внутри Бердюжского, Казанского и Сладковского районов Тюменской области, была не Тюмень, а Петропавловск, столица Северо-Казахстанской области.

единый историко-географический район, включающий в себя как Восточный Урал (современные Свердловская, Челябинская и Курганская области), так и Северный Казахстан (Кустанайская, Акмолинская и Северо-Казахстанская области) наряду с Тюменской (без северных автономных округов) и Омской областями современной Западной Сибири (*Рассказов 2004*). Название территории сначала формулировалось в самых абстрактных терминах – юго-запад Западносибирской равнины; ссылки на макроформу рельефа помогали одновременно указать на равнинные территории и Восточного Урала, и Северного Казахстана (при утверждении темы диссертационного исследования в Институте географии РАН название было изменено на более простое «Юго-Западная Сибирь», что, впрочем, затем также вызывало критику). В 2005-2009 гг. пространственная гипотеза была проверена в рамках соответствующей диссертации (*Рассказов 2009*), посвящённой обзорному историко-географическому описанию выделенного района.

1.2. Проблемы делимитации и анализа территориальных целостностей в исторической географии, проблема историко-географического районирования

В диссертации были описаны десять этапов историко-географической динамики социально-экономических структур Юго-Западной Сибири с XV в. по настоящий момент и сделаны выводы о цикличности этой динамики, связанной до середины XVIII в. с волнами миграций номадических обществ, задевавших южную часть региона, а затем с пространственной инерцией, вызванной этими процессами (*Рассказов 2009*). Кроме того, в защищенных выводах диссертации подчеркивалось, что сетка официального (госплановского) районирования применима в исследовательских проектах только при изучении современности и неактуальна для исторической географии Сибири³.

Ниже на нескольких примерах очерчены основные методологические следствия диссертации:

а) Проблема динамики пространственных явлений на длинных отрезках исторического времени

Динамичность однородных ареалов и узловых районов при отсутствии единого паттерна их трансформации, проблематизировавшая саму возможность выделения «жестких» историко-географических районов как неких стабильных территориальных элементов экономической (природной, социальной и т.п.) системы, может быть показана на примере политических и административных границ региона.

В XIV-XVI веках в пределах территории не существовало административных выделов в современном понимании – речь скорее должна

³ Так, в XVII – XVIII вв., как показывают источники, фактически не существовал Урал как район или некий антропогенный ареал, обозначаемый подобным именем. Подобное название в этот период едва ли могло обозначать что-то помимо горной страны.

идти о границах соседских и родовых общин, территорий, используемых или присвоенных теми или иными кланами. Объединение интересующего нас пространства в границах Сибирского ханства не непреложный факт – менялись как политические центры этого образования (историки выделяют не менее трёх, *Исхаков 2004, 15*), так и его политический статус в рамках более широкой системы степных политий, а также сфера влияния того или иного хана. После 1581-1586 гг. в регион переносится московская бюрократическая система, в соответствии с которой контролируемая территория размечается сетью городов, окружённых уездами, подразделяемых на волости⁴.

Внедрение в Сибири территориальных уездов в XVIII веке сначала приводит лишь к картографированию *status quo*⁵, а создание реальной системы равномерных низовых единиц АД, сопряженное, тем не менее, с противоречивыми изменениями границ и переездами центров, завершается лишь в начале следующего века.

Губернские границы, определённые в 1709-м г., оказываются более устойчивы, но и тут общий паттерн их дрейфа можно обнаружить разве что на страновом уровне (волны «укрупнения – разукрупнения»: *Тархов 2001, 191-201*). На уровне местном сдвиг границы Сибирской губернии в 1782-м г. с линии Уральского хребта к Туринску, Тюмени и Кургану может быть объяснён только частной административной логикой (напоминающей логику борьбы воевод XVII века за слободы). То же, с поправками на любовь к экономическим экспериментам, касается и изменения административных границ в советский период⁶.

Не менее подвижными оказываются и хозяйственные районы, зоны специализации на тех или иных отраслях, ареалы расселения различных групп. В конечном итоге, для рассматриваемого региона очень сложно предложить какую бы то ни было конструкцию, в рамках которой можно было бы последовательно рассматривать историю или историческую географию на протяжении нескольких веков, а то и тысячелетий, как это бывает с европейским материалом.

Выходом из описанной ситуации представлялось понимание рассматриваемого района как коннекционного, т.е. построенного на динамических взаимосвязях его различных частей (*Родоман 1999, 18-19*).

⁴ Терминология, напоминающая о XIX столетии, не должна вводить в заблуждение – только города в данном случае обладали определённой территорией, волости же в конце XVI-XVII вв. были способны «двигаться» вместе с перекочёвкой составляющих их податных групп. Уезды более напоминали сферы влияния городов, а потому были несоразмерны друг другу, могли быть передвинуты в пространстве, в связи с чем городские воеводы вели конкурентную борьбу за включение тех или иных волостей в состав подконтрольного им уезда (*Пестерев 2002*).

⁵ На картах первой половины столетия ареал Тобольского уезда включает слободы и крепости вплоть до Миасса в нынешней Челябинской области, а Тюменский и Туринский уезды – лишь ближайшую пригородную округу.

⁶ Передача Туринска Екатеринбургской губернии; объединение Тюменского, Тобольского, Ишимского и ряда других округов в рамках Уральской области; годичное существование Обь-Иртышской области, передача её в состав Омской области и практическое её воссоздание через 10 лет как области Тюменской и т.д.

Углубление в теорию приводит к обозначению изучаемой конструкции как района коннекционного типа, коммуникационного подтипа (связь постоянными или периодическими потоками вещества, энергии, информации; *Там же*), по форме графа, изображающего его территориальную структуру – полицентрического или многодольного.

б) Существуют ли эволюционирующие единые пространственно-исторические системы?

Именно с точки зрения данной логики в диссертации была проанализирована фундаментальная для исторической географии региона проблема размежевания севера и юга Старой Сибири. Начиная с 1868 г. (установление областного управления для нынешнего Северного Казахстана) и вплоть до 1998 г. (начало реального пограничного и таможенного размежевания) развитие соседствующих «уральских», «сибирских» и «казахстанских» единиц АДД происходило в условиях открытых границ и свободных связей. Генерал-губернаторская, а затем республиканская юрисдикция вносили в территориальные процессы элементы размежевания, однако чаще всего сила соседства оказывалась значительнее административной юрисдикции – социальные и экономические системы (транспортная, система расселения и опорный городской каркас, сферы влияния агломераций, в том числе торговые зоны и т.п.) развивались по одной пространственной логике.

То же, с поправкой на специфику понимания границ, можно утверждать и для периода с XVI до середины XVIII вв. (1755 г. – постройка Новоишимской укрепленной линии). Традиционная система торгово-экономической комплементарности северных лесных и южных степных подрайонов не прекращала функционировать вплоть до осуществления военно-бюрократической акции (собственно строительства линии) положившей конец свободному перемещению населения, и приведшей к концентрации всей торговли в нескольких пунктах (*Горбань 1953*).

Граница эффективно делила регион на две самостоятельные части вплоть до односторонней её отмены в середине XIX века. В диссертации 2009 г. данный эпизод был сопоставлен с российско-казахстанским размежеванием новейшего времени и вероятными нарушениями связей между степным и лесным подрайонами в дописьменной истории Старой Сибири, был истолкован как проявление циклической динамики районной системы.

В настоящее время после более детального знакомства с упомянутыми историческими сюжетами подобная трактовка самому её автору кажется сомнительной. Едва ли можно говорить об одной системе территориальных связей и отношений, закономерно меняющейся на протяжении веков. Приведённый пример, скорее указывает на две (или более) территориальные системы, которые могут объединяться, а могут существовать сравнительно изолированно. В данном случае можно воспользоваться аналогией из американской исторической географии, для которой движущиеся и

постоянно меняющие свои границы районы (наиболее популярен пример Среднего Запада, за 150 лет «переехавшего» из Аппалачей в Приозёрье и далее, *Cayton, Gray 2001*) – стандартный и неувидительный факт.

Описывая динамику политических и административных границ и отношений, мы упомянули два перехода в пространственной истории региона – от системы соседских и родовых общин со слабо объединяющим политическим образованием «сверху» к более регулярной бюрократической системе традиционного типа, а затем от неё к территориальной, однородной административной системе общества Нового времени. Закономерным представляется вопрос о том, можно ли столь разные общества рассматривать как одну и ту же эволюционирующую систему. И первый, и второй переход более напоминают навязанную извне революцию общественных отношений. Примерно то же самое можно сказать и о конце XIX столетия, а затем о XX веке: начавшись с эпохи «железнодорожного капитализма» (представляется очевидным, что новые экономические отношения были привнесены извне вместе с прокладкой линий железных дорог), данный период отмечен рядом инноваций внешнего характера, каждая из которых имела свою логику и перестраивала внутренние пространственные связи в регионе.

с) Возможно ли историко-географическое районирование?

Учитывая ломку сложившейся к концу XIX в. пространственной структуры Старой Сибири, а также интенсивное развитие Уральского и Казахстанского проектов и соответствующих идентичностей в XX в., мы постулируем распад выделенного района (который на деле до сих пор не завершился, что и отражают описанные в первых абзацах ландшафтные реалии), и это ставит перед исследователем ряд дополнительных проблем.

Если ареалы и подрайоны так динамичны, системы связей непредсказуемы, а общество на протяжении своей истории то и дело переживает коренные изменения, то существует ли в принципе единая эволюционирующая районная система? И можно ли тогда говорить об историко-географическом районе в узком смысле – как территориальном отражении этой системы?

По итогам десятилетнего изучения одного избранного района представляется, что куда адекватнее будет говорить о ЮЗС как множестве сменяющих друг друга общественных систем разного масштаба и территориального распространения, а районами ЮЗС в строгом смысле – пространственные отображения недлинных (в пределах от одного до нескольких десятилетий) процессов. Таким образом, историко-географическое районирование практически будет сведено к районированию общества на «данный исторический момент» (*кросс-секция*) с чуть большим вниманием к территориальной динамике, *а историко-географические районы как таковые на длинных отрезках истории окажутся невозможны.*

Чем тогда является Юго-Западная (Старая) Сибирь? Представляется, что здесь уместно использование слова *регион* в значении «некая (любая)

территориальная целостность» в противовес *району* как части целого⁷. Такая терминологическая операция позволяет и устранить требования к поиску «единого объективного процесса», и оставить гадания о циклах, и сохранить возможность рассмотрения исторической географии одной территории на достаточно длинных отрезках времени. Эвристическая ценность подобной интеллектуальной конструкции, проявляется, главным образом, в нетривиальности границ, свежести взгляда, выборе в качестве «осевого периода» истории региона слабо или тенденциозно изученных промежутков времени.

В итоге, утверждая невозможность историко-географического районирования для больших периодов, мы не снимаем проблемы, ради которой предпринимаются попытки такового (рассмотрение пространственных процессов в среднем и крупном масштабе на протяжении больших отрезков времени в единых границах, комплексная региональная история). Для её решения представляется разумным выделять не историко-географические районы, а регионы – конструкции более условные, но и более гибкие, позволяющие учесть ту самую пространственную динамику, ради которой, во многом и существует историческая география.

Но как тогда, с учётом этой гибкости, определять адекватность выделенных границ?

Предварительный ответ представляется следующим: сопоставление границ выделенного региона с районами общества на определённых отрезках времени (статической картиной) может показать степень применимости региональной рамки для конкретных периодов, а изучение пространственных процессов (динамической картины) может дать в руки исследователя критерии для определения того, сколь долго (исторически) избранные границы могут использоваться для отображения фундаментального свойства территориальных систем – их временной инерционности. Более детально данные критерии будут рассмотрены в финальной части статьи.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК ОБЛАСТЬ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРОЕКТОВ

В данной части статьи мы обращаемся преимущественно к опыту англо-американской и французской школ *human geography*, и, в частности, к опыту той ее области, которая называется исторической географией (*historical geography*). Изучение богатого наследия зарубежной региональной исторической географии ситуации, когда под исторической географией в нашей стране по-прежнему понимается узкая вспомогательная историческая дисциплина о локализации населенных пунктов и эволюции АД, представляется весьма актуальным первым шагом. По справедливому замечанию В.Н. Стрелецкого, именно «*концепция региона*, успешно

⁷ Первым среди российских географов об идее такого терминологического разделения упомянул Л.В. Смирнягин (Смирнягин 1989), более детальные разработки принадлежат перу филологов (Урысон 1999).

преодолевающая крайности номотетического и идеографического полюсов в гуманитарных и общественных науках, как раз и может стать тем связующим звеном между учеными-историками и географами, которое бы и обеспечило возможность реального геоисторического синтеза» (Стрелецкий 2007, 9-10).

2.1. Коллективные проекты в исторической и региональной географии.

Прежде всего, необходимо сказать, что в последние десятилетия в области географических исследований прослеживается тенденция к росту числа публикаций, выполняемых в соавторстве. Постепенная трансформация академических этических норм связана с изменениями институциональной основы исследовательского труда: фонды охотнее выделяют гранты под коллективные проекты, гарантирующие, что кандидат обладает статусом в научной среде и укоренен в сети академических связей, необходимых для воплощения проекта; развитие информационных технологий только способствует образованию новых связей, в том числе, междисциплинарных⁸.

На этом фоне уместно отметить ту исключительную роль, которую играли и продолжают играть в региональной и исторической географии именно коллективные проекты. Возможно, важное место групповых исследовательских манифестов в истории направления связано с синтетической природой регионального метода. Подробное описание множества географических фактов, анализ закономерностей и тенденций на любой сколько-нибудь значительной площади – нелегкая задача для ученого-одиночки. Как писал в свое время Р. Миншалл – «описание небольших территорий может быть результатом прямого индивидуального наблюдения; но любое географическое описание целой страны будет основано, по большей части, на непрямом наблюдении, на синтезе работ многих исследователей, на анализе карт» (Minshull 1967, 103). Ниже мы рассмотрим несколько примеров такой работы на примерах из британской *human geography*. В начале же стоит сказать следующее: несомненно, такие работы возможны только в динамичных академических средах, интеллектуально и институционально расположенных к междисциплинарным контактам.

Обращаясь к проблемам междисциплинарной коллективной работы в области современной российской исторической географии, мы должны

⁸ Здесь, к сожалению, мы имеем статистику, подготовленную только на американском материале, но, как представляется, это отражение мейнстрима географической науки. В 1995 г. С. Брунн опубликовал аналитическую сводку содержания журнала «Анналы ассоциации американских географов» (Annals of the Association of American Geographers) за шесть лет его редакторства с 1987 по 1993 гг. Он фиксировал рост числа публикаций, выполненных в соавторстве, отмечая, что это становится обычной практикой (Brunn 1995, 209-211) В 2012 г. этим наблюдениями придали статистическое измерение Л. Ригг, Ш. Мак Гаррагер, и А. Крменец, исследовавшие подборки статей в «Анналах ассоциации американских географов» и «Профессиональный географ» (The Professional Geographer) за 1995–2006 г., и в четырех междисциплинарных журналах за 2005-2009 гг. Их выводы следующие: с 1995 по 2009 г. среднее количество авторов в расчете на одну статью выросло с 1,3 до 2,2 для «Анналов» и с 1,4 до 2,3 для «Профессионального географа». Таким образом, число совместных публикаций в области растет (Rigg 2012, etc. 495, 498).

констатировать печальные вещи. Как показывает, к примеру, наш анализ профессионального состава участников двух значительных всероссийских конференций по исторической географии, состоявшихся в 2011 г. в Москве и Санкт-Петербурге (РГГУ, 27-29 января 2011 г.; СПбГУ, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 25-28 апреля 2011 г.), при огромном числе общем участников – 140 человек в первом случае и 235 человек во втором – число участников, принявших участие в обеих конференциях, составило менее 2% от общего числа. Несомненно, это было связано с тем, что первая конференция была организована историками, а вторая – географами, и два этих множества практически не имели общей области пересечения. Так, в первом случае г. Москву представляли 68 заявок, а во втором – 58 заявок, но фактически среди многочисленных московских участников не оказалось ни одного человека, который бы принял участие в обеих конференциях. То есть в одной только Москве существует две отдельных группы ученых, каждая из которых занимается исторической географией, не участвуя при этом в проектах другой группы (*Корандей 2011, 502-506*).

Изложить принципы групповой работы в практике школ современной региональной географии (самые важные из которых рассматривали историко-географический подход в качестве ключевого для своей методологии) на нескольких страницах кажется непростой задачей. В качестве введения представляется полезной обзорная работа финского географа А. Пааси, который представил историю западноевропейской региональной географии XX – начала XXI столетий в виде обширной таблицы (*Paasi 2011, 161-175*) в которой учел мотивы (от общенаучных до технико-методических), определявшие стиль работы групп, занимавшихся региональными исследованиями. Пааси писал о трех эпохах истории региональной географии, каждая из которых характеризовалась особым пониманием региона как объекта исследования, и соответствующими практиками. Говоря о второй, переходной стадии развития регионального концепта в XX в., Пааси уделяет должное дискуссиям 1940-1960-х гг., когда в трудах авторов в диапазоне от Р. Хартшорна до П. Хаггета, регион проблематизируется как метод, превращаясь из пассивного объекта исследования в его инструмент⁹. Мы используем более привычную модель изложения истории предмета (*Brunet 1986; Claval 1998, 16-28*), ограничиваясь характеристикой двух полюсов этого развития, первым из которых является «классическая» региональная география начала XX в., а последним, современным – т.н. «новая региональная география», известная с начала 1980-х гг. Ниже мы обозначаем сущностные черты коллективной работы в области региональной географии на примерах стандартных монографий этих периодов.

2.2. Регион как данность: первая половина XX в.

⁹ Истории развития инструментария «новой региональной географии» в исследовательской практике групп «пространственного анализа», в частности, сизтлской группы У. Гаррисона, посвящены работы Т. Барнса (*Barnes 2003; Barnes 2011*).

Общей чертой разных школ региональной географии в начале XX в. было принятие региона как территории с заранее заданными границами. Так в практике немецкого регионоведения объект исследования понимался как чистый бланк с намеченными графами для каждого типа наблюдаемых объектов; представители французской региональной школы П. Видаль де ла Блаша уделяли основное внимание не размещению фактов, но типам отношений между ландшафтом и человеческими группами, и именно такой особенный, исторически сложившийся на каждом участке земли, тип отношений определял, по их мнению, существование конкретных Бургундии, Иль-де-Франс или Франш-Конте; подобная страна оказалась основным предметом описания в практике британской школы исторической географии в момент ее рождения в начале 1930-х гг. Один из лидеров академического историко-географического движения кембриджский географ и медиевист Г. К. Дарби инициировал в 1934 г. проект создания исторической географии Англии (*Darby 1983, 423-424*). Книга была издана в 1936 г. и представляла собой последовательность временных срезов (*кросс-секций*) географии Англии с доисторического периода до 1800 г. (*Darby 1936*) Авторами очерков были профессора различных британских университетов (11 авторов). Большинство из этих авторов, как и сам Дарби, совершили в своей научной карьере эволюцию от традиционной истории к исторической географии. Вопрос о том, что создавало единство изучаемого региона, было основой его формального единства, в издании 1936 г. не ставился. Лучше проясняет вопрос структура второй редакции «Исторической географии Англии», впервые изданная в 1973 г., из которой были исключены кельтский и римский периоды истории острова. История Англии начинается с прибытием англосаксов: границы каждой из кросс-секций соотносятся с территорией актуального влияния англосаксов, а затем англичан (*Darby 1976*).

Дарби, таким образом, понимал под регионом некоторую историко-культурную общность ландшафта и образа жизни, заключенную в определенных исторических границах. Подводя в 1960 г. итоги минувшего двадцатилетия и объявляя декларацию о намерениях, он отмечал в заключении: «описать страну в целом – не единственная задача, стоящая перед историко-географом Англии. Подумайте о разных частях Англии, <следовал длинный перечень названий>, обо всех тех областях, которые отмечены яркой индивидуальностью (*of all those other districts with marked individualities*). На материале этих мест мы можем провести еще множество исследований, которые, если угодно, нужно именовать региональными» (*Darby 1960, 155-156*).

В то время, когда были сказаны эти слова, в географии уже оформилась новая концепция региона как теоретического пространственного объекта, эффективного метода исследования. Однако Дарби и его коллеги продолжали придерживаться «классического» подхода, в рамках которого регион рассматривался прежде всего как уникальная историко-

географическая страна¹⁰. Авторы кросс-секций, включенных в упомянутую вторую редакцию своего коллективного труда, «Новая историческая география Англии» 1973 г. (*Darby 1976*), решали вопрос о границах исследуемого пространства, так сказать, за пределами монографии, при отборе опорного источника. Логика изложения предполагала постепенный территориальный рост исследуемого пространства: англо-саксонские поселения эпохи скандинавских вторжений, графства времени «Книги Страшного Суда» (*Domesday Book, 1086*) или светской субсидии 1334 г. и Британия У. Кэмдена (*Britannia, 1586*) – строго говоря, все это были разные по своей площади и характеру преобладающих связей территориальные единства, однако же вопрос об этом не ставился. Британским региональным географам понадобилось некоторое время, чтобы научиться преодолевать эти «естественные» границы Англии.

2.3. Регион как система социально-экономических связей: «Новая региональная география»

Это не было бы возможно без открытий, сделанных в региональной географии 1930-1960-х гг., прежде всего, Р. Хартшорном (принцип изучения регионов как частных ареальных комбинаций всеобщих признаков, использование формальных и функциональных вариантов регионализации), а затем представителями школы пространственного анализа (математическое исследование и объяснение пространственного распространения географических фактов, основанное на традициях экономической теории размещения).

С 1980-х г. мейнстрим региональных исследований в географии составляют труды, написанные с точки зрения т.н. «новой региональной географии». Определяющей чертой дискурса является критический анализ политико-экономических отношений в пространстве. Представители «новой региональной географии» понимают регионы как локальные комплексы пространственных социальных практик, всегда рассматриваемые как акторы более широких комплексов ареального, континентального и глобального разделения труда. Темы, которые называла в качестве определяющих для «новой региональной географии» Э. Гилберт в 1988 г. (регион как местное отражение капиталистических процессов, как способ индивидуальной и групповой самоидентификации, как локализованная среда социальных взаимодействий) продолжают оставаться значимыми для международной *human geography* и по сей день. (*Gilbert 1988; Paasi 2002; Paasi 2012*). При характеристике групповых практик регионального синтеза целесообразно обратиться к исследовательским работам самого А. Пааси, который занимается вопросами региональной идентичности. Пааси констатирует многофакторную природу явления: дискурсы региональной идентичности

¹⁰ Это ясно из теоретических работ Дарби 1950-1960-х гг., посвященных проблемам географического описания (*Darby 1962; Darby 2002*).

представляют собой манифестации отношений власти, которые социальные акторы используют в целях организации весьма различных социальных смыслов и практик, ассоциируемых с пространством. Пааси указывает на фундаментальную роль «письменной идентичности», порождаемой образованным классом¹¹.

Примером манифеста групповой практики «новой региональной географии» может быть, названа книга 1998 г. «Переосмысление региона» (*Rethinking the Region*), изданная по итогам проекта, осуществлявшегося географами нескольких английских университетов. В качестве рабочей модели была принята система коллективной разработки курсов (*course team*) лондонского Открытого университета. Проект объединил семь авторов, в нем принимала участие Д. Мэсси. В ходе разработки одного из таких курсов во второй половине 1980-х, авторы «почувствовали, что коллективная работа, и настоящее изобилие идей по поводу природы социальных трансформаций, которые в ходе нее развивались, могут весьма обогатить наши исследовательские идеи и практики» (*Allen 1998, ii*).

Книга была посвящена превращениям, которые претерпел юго-восток Англии в период неолиберальной политики 1980-х гг. Регион был описан авторами «не как некая ограниченная целостность, нанесенная на карту, но как сеть социальных отношений, сложная структура отношений власти и неравенства» (*Allen 1998, 65*). Логика построения принятой рабочей группой модели английского юго-востока 1980-х гг. воспроизведена в главе «Где находится Юго-Восток?» (*Allen 1998, 32-61*). «Стандартный» юго-восток Англии (Лондон и окрестности, Оксфорд, Кембридж, Уиндзор и Кентербери) был только отправной точкой исследования. Более важным представлялось понять, какими социально-экономическими связями определялось процветание располагавшихся на этой территории центров, репрезентировавших себя в качестве центров экономического роста 1980-х гг. С этой точки зрения проект, осуществлявшийся в 1990-х г., был историко-географическим: целью его было исследование действительных территориальных пределов «нового» юго-востока Англии во времена М. Тэтчер (*Allen 1998, 34, 54*). Следовал ряд карт, демонстрировавших региональные различия внутри Англии: размер среднего денежного дохода на душу населения, цены на недвижимость, государственные расходы в области транспорта, развитие высоких технологий, международные финансовые связи и т.д. В каждом случае юго-восток Англии выступал в роли узлового центра, сети связей, отличающейся от предыдущей.

¹¹ «Региональные идентичности суть коллективные нарративы, описывающие то, кем являемся «мы» сами и чем является «наш регион», чем мы отличаемся от других. <...> В этой связи, важно ответить на вопросы о том, кто проводит региональные различия и составляет классификации, в какой форме выражаются эти отношения власти и чью специфическую идентичность выражает данный дискурс? Является ли она идентичностью обычного человека? Или это «письменная идентичность» (*written identity*), создаваемая учеными, политиками, администраторами, культуртрегерами или бизнесменами? Эти деятели часто способны «указывать курс» к пониманию коллективных смыслов регионального символизма, демонстрировать гибкость границ и тех образов, в которых предстаем мы (и «другие») (*Paasi 2002, 146*).

Таким образом, в 1980-х гг. существовал не один, а множество английских юго-востоков. Это непостоянство (*inconsistency*) получающейся динамической картины представлялось авторам не недостатком, но преимуществом метода (*Allen 1998, 43*), работающим на раскрытие основной идеи: существование региона в этом времени, равно как и идентичность определявших его экономику групп, определялись не простым размещением в физико-географическом пространстве, но сетью политических, экономических и культурных контекстов, имевших, в значительной своей части, интернациональный и глобальный масштаб, социально-экономическими связями, выходившими далеко за пределы стандартного, «естественного» юго-востока Англии.

Другим примером британского коллективного проекта является книга 2004 г., посвященная истории деления Англии на северную и южную половины (*Geographies of England 2004*). Каждый из авторов, приглашенный специалист по исторической географии определенной эпохи, должен был показать на известном ему материале, возможно ли говорить о существовании устойчивой оппозиции севера и юга региона в 1) социально-экономической географии региона, и 2) в географических представлениях жителей Англии рассматриваемого времени (*Geographies of England 2004, 3-4*).

Англия в этом случае также исследовалась как регион, образованный не границами, а связями, но связями особого рода. Изучение материальной географии региона в любой из периодов давало достаточно возможностей обнаружить статистический перевес в пользу севера или юга при распределении некоторых фактов; однако действительно важной эта оппозиция смогла оказаться только в рамках единой национальной культуры, общества, уже в достаточной мере осведомленного о географии острова, которая переживала процесс стремительной территориальной поляризации – в эпоху ранней индустриальной революции, между 1750 и 1830 гг. Таким образом, в каждом случае исследование распределения фактов, было бы неполным без исследования представлений англичан о самих себе. «Деление на север и юг – как и все подобные регионализации – должно рассматриваться как культурный конструкт, пространственный миф, который, тем не менее, мог составлять основу для реальных мыслей и действий», писали редакторы тома (*Geographies of England 2004, 181*).

3. КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФИЮ РЕГИОНА

Задачей данного раздела должны стать рекомендации авторам готовящейся коллективной историко-географической монографии о юго-западе Западной Сибири (в рамках проекта под эгидой Русского географического общества).

Ключевые проблемы, которые должны быть разрешены в рамках данного коллективного проекта:

- *Действительная апробация тезиса о Юго-Западной Сибири.* Мы полагаем целесообразным вовлечение в работу значительного круга специалистов по отдельным проблемам истории и географии региона, с тем, чтобы начальный период совместной работы над проектом имел форму дискуссии по поводу современной версии данной пространственно-исторической гипотезы.

- Оценка конкретной ценности предложенных границ региона для конечного числа исторических периодов, эпох или моментов.

- Коррекция предложенных границ, более подробный анализ пространственной динамики в конкретные периоды, выделение районов и подрайонов.

- Детальный анализ пространственных процессов и территориальной динамики в предложенных границах, которые могут как подтвердить предложенную региональную гипотезу, так и привести исследователей к иным гипотезам и региональным рамкам.

Таким образом, каждый из приглашенных исследователей становится историко-географическим экспериментатором, рассматривающим, с одной стороны регион через призму собственного материала, а с другой – материал через призму региона.

Предварительный список авторов сформирован по большей части историками. В этом смысле важно включить в данный раздел список методических инструментов районирования.

Выделение ареальных границ процессов. Стандартным вопросом исторической географии как вспомогательной исторической дисциплины является задача описания политических (реже экономических) границ соответствующих политических/государственных ареалов. Необходимо подчеркнуть, что ареальным методом может быть отображён любой процесс – от расселения человеческих групп и распространения хозяйственных /культурных практик до передвижения конкретного человека по какой-либо территории. В последнем случае ареалом очерчивается набор точек – мест пребывания изучаемого персонажа. Ареалами могут быть отображены и ментальные пространственные картины – оппозиции «свой-чужой» или «центр-окраина» сравнительно легко могут быть указаны не просто как комплексы признаков, но и территории с более или менее определёнными границами. Развитием ареального метода являются картограммы и картодиаграммы – здесь каждому выделенному ареалу (обычно единице АД) присваивается ещё и какая-то статистическая информация (например, серия картограмм и картодиаграмм по населению Кастилии в XVI веке: *Бродель 2003, 78-79*). Метод ареалов крайне популярен у классиков истории и исторической географии, особенно при рассмотрении аграрной истории. Примеры можно найти у Дарби (*The distribution of ploughteams in England in 1086 as recorded in Domesday Book: Darby 1977, 127*), того же Броделя (использован метод точечного отображения отдельных объектов, совокупность которых составляет ареал – карта распространения пальмовых рощ от реки Инд до Атлантического океана: *Бродель 2002, 240*). При

выделении сравнительно большого количества ареалов возможен анализ их совпадения/несовпадения с границами Старой Сибири.

Выделение центров и их сфер влияния. Если при первом рассмотрении знакомые всем политические границы очерчивают некий ареал (распространения того или иного типа властных отношений), то при втором большинство политических образований (в том числе и Нового времени) могут быть рассмотрены как узловое ареалы, в пределах которых распространяется влияние определённого центра. Преимущество метода в том, что границы могут быть весьма расплывчаты – куда важнее сам центр, консолидируемое им ядро и примерные направления, в которых направлено «силовое поле» ядра. Хороший пример применения узлового метода – построение карт достижимости (в днях пути и т.п.) того или иного центра или распространения явлений из него (серия карт «Путь новостей в Венецию в 1500-1765»: *Бродель 2003, 32-33*).

Выделение коммуникаций/каналов проницаемости. Метод прекрасно подходит для анализа путевых описаний и вообще любых маршрутов движения. Он также неплохо знаком историкам на примерах изучения торговых путей. Однако стоит отметить, что обычно коммуникации представляют собой не изолированные линии, а их системы, хотя источник может делать упор только на один элемент. Иногда по косвенным признакам более широкая картина может быть распознана (карта караванных путей Сахары в XV-XVI вв.: *Бродель 2002, 252*). Базовым трудом в отечественной географии транспортных систем является книга С.А. Тархова (*Тархов 2005*). Также важно отметить возможность и необходимость совместного анализа как путей (линий коммуникации), так и центров общественной жизни (узлов коммуникации). В советской экономической географии этот метод всегда считался очень важным при анализе регионов и стран, получив название метода выявления опорного каркаса расселения (примером может быть карта дорог в Римской Галлии: *Бродель 1995, 73*). Система коммуникаций и/или опорный каркас также могут вписываться или не вписываться в предложенные рамки.

Границы как таковые. Возможно внимание к ареалам распространения явления, возможно внимание к центрам, которые эти явления порождают или способствуют их распространению, возможно же исследование рубежей, на которых то или иное явление прекращается или ослабевает в своей интенсивности. Пристальное внимание к границам, изучение способов их преодоления или процессов по разные стороны одной границы, выделение типов границ также даёт очень многое для понимания пространственных процессов (Альпийский барьер: *Бродель 2002, 279*). Оптимальна некая системная работа с границами в рамках всего региона, однако, и выявление изолированных, но важных рубежей внутри исследуемой территории или же там, где, как предполагается, они должны быть (по Уральскому хребту, стыку ландшафтных зон южной и средней тайги и т.п.) также чрезвычайно полезно.

Районирование с опорой на ареалы, сферы влияния или границы. Способ получить общую картину из сравнительно разрозненных данных. Любые ареалы, выделенные по схожим признакам – основа для системы подрайонов. Однако подрайоны могут быть выделены и в рамках разнопризнаковой системы, если существенны границы, разделяющие их (в одном случае граница двух районов может иметь природный характер, во втором – скорее политический, в третьем – экономический или культурный). В данном случае можно сослаться целиком на работу современного российского исследователя (Арутюнова-Фиданян 2010).

Выделение региональной коннекционной системы. Если коммуникации (отношения) возможны между некоторыми узлами (городами, деревнями, слободами), то возможны они и между районами (подрайонами). В самом простом смысле подобную систему порождают торговые или политические отношения двух племён или кланов, каждый из них может быть изображён ареальным методом и охарактеризован в пространственном отношении как район общества. Пространственную систему, пригодную для анализа добавляет добавление третьего племени – у группы А с группой Б могут быть сравнительно мирные отношения, в то время как с группой В – преимущественно конфликтные. Логичным при картографическом отображении подобных систем является применение знаков и линий движения, достаточно популярных, скажем, у американских историко-географов. От подобных карт уже недалеко и до моделей пространственных отношений, представленных у Мейнига (Meinig 1986, 67-68, 258; особенно 376) или Хиткота (Heathcote 1975, 72). Для работы с нашей региональной гипотезой, учитывая масштаб явления, конечно, нужны более сложные системы отношений, включающие хотя бы 5-10 подрайонов.

Соседский контекст и пространственные аналогии. Даже при подробном анализе процессов внутри любых границ, необходимо понимать нетотальный их характер. То, что происходит за важными для исследователя границами, может быть критично с точки зрения общей системы отношений. Здесь важна также проблема масштабов исследования: если на уровне подрайонов ряд очевидных исследователю социальных процессов может действительно ограничиваться какими-то административными, политическими или экономическими рубежами, то на уровне региона в целом эти процессы могут быть уже частью более широкой системы, полноправными участниками которой являются соседние районы и регионы. Движение может быть и обратным: граница, представляющаяся важной при взгляде из столицы (страновой или региональный масштаб) может быть малозаметной на уровне локальных процессов (здесь сложно сослаться на конкретные примеры, т.к. часто речь уже идёт об искусстве пространственного описания как такового, эталонным примером будут работы всё того же Ф. Броделя). Пространственные аналогии бывают полезны для интерпретации тех или иных явлений, здесь, однако, надо хорошо понимать границы их применимости. Интересным примером применения последнего метода представляется работа А.В. Назаренко, в

которой достаточно оригинально решена проблема византийской географической терминологии относительно Руси X века через её сопоставление с аналогичной системой терминов, применявшейся для описания Болгарии того же периода (*Назаренко 2010*).

Эволюция пространственных явлений. Если ареалы, границы, узлы, сферы, влияния, коммуникации и другие элементы пространственной картины могут быть статичны на коротких промежутках времени, то с ещё большей вероятностью они могут быть подвижными. Элементарный способ фиксации пространственной динамики – отображение того, как пролегла граница или дорога раньше и где она пролегает сейчас (*Бунге 1967, 51-53*). Анализ динамики больших систем обычно предполагает развёрнутые словесные описания, хотя их первичное отображение в виде больших и подробных карт с последующим превращением в схемы и картоиды (предельно абстрактная, но довольно наглядная модель: *Хаггет 1968, 34*) – вариант практически идеальный, но трудоёмкий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные выше (ч. 1) результаты работы с одним из выделенных историко-географических регионов, а также исторический очерк примеров подобной работы в западной *human geography* (ч. 2), должны, по нашему мнению, служить *введением в тему*, предварять приведенный последним (ч. 3) опыт построения методической схемы, пригодной для работы над конкретным историко-географическим региональным проектом. Представляется, что подобная последовательность начальных этапов работы может быть воспроизведена для любых регионов, независимо от того, будет ли исходной точкой их делимитации некий период прошлого или исследователи в своей работе будут отталкиваться от актуальной реальности постсоветского пространства. Оптимальной организационной формой реализации подобного рода региональных проектов в исторической географии видится малая научная группа, состоящая из профессиональных историков и географов, объединённых общим видением региональной тематики и сравнительно близких методологически.

Литература

Арутюнова-Фиданян В.А. ХΩΡΑ и ΧΩΡΟΠΟΛΙΣ в «Кавказском досье» Константина Багрянородного // *Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова* / Под ред. Т.Н. Джаксон и др. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – 488 с.

Бродель Ф. Что такое Франция: пространство и история. – М.: изд-во им. Сабашниковых, 1994. – 406 с.

Бродель Ф. Что такое Франция: люди и вещи. – М.: изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 244 с.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Роль среды. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 495 с.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 806 с.

Бунге В. Теоретическая география. – М.: Прогресс, 1967. – 280 с.

Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Новоишимская линия крепостей // Вопросы географии. – 1953. – № 31. – С. 206-227.

Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV – XVI вв. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. – 132 с.

Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция и деструкция // Иное: хрестоматия нового российского самосознания, 1995, М. – Электронный ресурс [Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kagan.htm>].

Каганский В.Л. Основные практики и парадигмы районирования // Региональные исследования. – 2003. – № 7. – С. 17-30.

Корандей Ф.С. Две конференции по исторической географии // Историческая география. Т. 1 / Отв. ред. И. Г. Коновалова. – М.: Кругъ, 2012. – С. 502-506.

Назаренко А.В. Η ΕΞΩ ΡΩΣΙΑ: К политической географии Древнерусского государства середины X века // Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Под ред. Т.Н. Джаксон и др. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – 488 с.

Пестерев В.В. Пространственная организация населения в процессе русской колонизации Зауралья. Конец XVI – первая половина XVIII вв. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Курган, 2002. – 238 с.

Рассказов С.В. История освоения Юго-запада Западносибирской равнины // Александр фон Гумбольдт и проблемы устойчивого развития Урало-Сибирского региона: Материалы российско-германской конференции (Тюмень, Тобольск, 20-22 сент. 2004 г.). – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004. – С. 328-329.

Рассказов С.В. Юго-Западная Сибирь: эволюция пространственных структур общества (с XV в. до настоящего времени). Диссертация на соискание учёной степени кандидата геогр. наук. – М., 2009. – 142 с.

Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети: очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.

Смирнягин Л. В. Районы США: портрет современной Америки. – М.: Мысль, 1989. – 379 с.

Смирнягин Л. В. Культура русского пространства // Космополис, №2, зима 2002/2003, М. – с. 50-58.

Стрелецкий В.Н. Историческая география и регионалистика: пути и перспективы взаимодействия // Псковский регионологический журнал. – 2007. – № 5. – С. 3-13.

Тархов С.А. Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России // Регионализация в развитии России: географические проблемы и процессы. – М.: Editorial URCC, 2001. – 294 с.

Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. – Смоленск-Москва: ИГ РАН, изд. Универсум, 2005. – 384 с.

Урысон Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования: лексемы округа и район // Вопросы языкознания, VI, М., с. 79-82.

Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. – М.: Прогресс, 1968. – 392 с.

Allen J., Massey D.B, Cochrane A. et al. Rethinking the region: Spaces of Neo-Liberalism. – London, New York: Routledge, 1998. – 176 p.

Barnes T.J. From Region to Space. Part I // The Wiley-Blackwell Companion to Human Geography / Ed. by J. A. Agnew, J. S. Duncan. – Blackwell Publishing, 2011. – P. 146-160.

Barnes T.J. The place of locational analysis: a selective and interpretive history // Progress in Human Geography. – 2003. – Vol. 27 (1). – P. 69-95.

Brunet R. Comment écrire la géographie régionale. Présentation // Espace géographique. – 1986. – T. 15(4). – P. 241-243.

Brunn S.D. Geography's Research Performance Based on Annals Manuscripts, 1987–1993 // The Professional Geographer. – 1995. – Vol. 47(2). – P. 204-215.

Cayton A.R.L., Gray S. E. The American Midwest: Essays on regional history / Ed. by A.R.L. Cayton, S.E. Gray. – Bloomington: Indiana UP, 2001. – 251 p.

Claval P. An Introduction to Regional Geography / Trans. by I. Thompson. – Oxford: Blackwell Publishers, 1998. – 299 p.

Darby H.C. An Historical Geography of England before AD 1800 / Ed. by H.C. Darby. – Cambridge: UP, 1936. – 566 p.

Darby H.C. An Historical Geography of England: Twenty Years after // The Geographical Journal. – 1960. – Vol. 126 (2). – P. 147-159.

Darby H.C. New Historical Geography of England before 1600 / Ed. by H.C. Darby. – Cambridge: UP, 1976. – 316 p.

Darby H.C. Domesday England. – Cambridge, 1977.

Darby H.C. Historical Geography in Britain 1920-1980: Continuity and Change // Transactions of the Institute of British Geographers. New Series. – 1980. – Vol. 8 (4). – P. 421-428.

Darby H. C. The Problem of Geographical Description // Transactions and Papers (Institute of British Geographers). – 1962. – №. 30. – P. 1-14.

Darby H.C. The Relations of History and Geography. Studies in England, France and the United States. – Exeter: UP, 2002. – 293 p.

Geographies of England: The North-South Divide, Imagined and Material / Ed. by A. R. H. Baker, M. Billinge. – Cambridge: CUP, 2004. – 216 p.

Gilbert A. The new regional geography in English and French-speaking countries // Progress in Human Geography. – 1988. – Vol. 12. – P. 208-228.

Hartshorne R. Perspective on the Nature of Geography. – Chicago: AAG, R. McNally & Co, 1959. – 201 p.

Heathcote R.L. Australia. – London: Longman, 1975.

Minshull R. Regional Geography. Theory and Practice. – London: Hutchinson University Library, 1967. – 168 p.

Meinig D.W. The Shaping of America: A Geographical Perspective on 500 Years of History. Vol. 1, Atlantic America, 1492-1800. – New Haven and London: Yale University Press, 1986. – 500 p.

Paasi A. Bounded spaces in the mobile world: Deconstructing ‘regional identity’// Tijdschrift voor economische en sociale geografie. – 2002. – Vol. 93 (2). – P. 137-148.

Paasi A. From Region to Space. Part II // The Wiley-Blackwell Companion to Human Geography / Ed. by J. A. Agnew, J. S. Duncan. – Blackwell Publishing, 2011. – P. 161-175.

Paasi A. Regional Planning and the Mobilization of ‘Regional Identity’: From Bounded Spaces to Relational Complexity // Regional Studies. – 2012. – P. 1-14.

Rigg L.S., McCarragher Sh., Kremenec A. Authorship, Collaboration, and Gender: Fifteen Years of Publication Productivity in Selected Geography Journals // The Professional Geographer. – 2012. – Vol. 64(4). – P. 491-502.